

ДЕТЕКТИВ В ПУТЕШЕСТВИИ

Анна и Сергей **ЛИТВИНОВЫ**
Евгения **МИХАЙЛОВА**
Галина **РОМАНОВА**
и другие :-)

Великолепные детективные истории

Дарья Калинина

Детектив в путешествии (сборник)

«ЭКСМО»

2019

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Калинина Д. А.

Детектив в путешествии (сборник) / Д. А. Калинина — «Эксмо»,
2019 — (Великолепные детективные истории)

ISBN 978-5-04-101375-2

Экзотические страны и континенты, увлекательные путешествия по диким и неизведанным местам, романтический отдых на лучших фешенебельных курортах... На фоне живописных достопримечательностей всего мира герои нового сборника «Детектив в путешествии» с блеском распутывают настоящие детективные головоломки, не забывая при этом наслаждаться восхитительным отдыхом.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-101375-2

© Калинина Д. А., 2019
© Эксмо, 2019

Содержание

Евгения Михайлова	6
Анна и Сергей Литвиновы	16
Екатерина Барсова	28
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Детектив в путешествии

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2019

Евгения Михайлова Дунайские волны

У Марины были по жизни три непроходящих беды. Косоглазие, отчим и красивая младшая сестра. Детское косоглазие лечили-лечили, потом оперировали, но полного избавления, как обещали врачи, не случилось, – оно лишь стало чуть менее заметным взрослым косоглазием. Сестра Настя выскочила замуж очень рано, пропала в своей жизни, появлялась у них редко и даже не догадывалась о том, какую бурю в душе Марины успевала вызвать. За годы накопилось столько. Отчим умер недавно и скоропостижно, а тяжкая обида и если не прежняя ненависть, то активная, агрессивная нелюбовь к нему остались.

Марина знала, что она человек непростой и не всем приятный, но почему-то у нее всегда были самые преданные подруги. Потом те же подруги с детских лет и самые преданные ученики. Марина, конечно, стала учительницей русского языка и литературы, как мама. У Насти подруг не было никогда. Нет и теперь. Горькая мысль иногда мучила Марину. Может, ее жалеют? За косоглазие, за ее вечную обиду, за красивую сестру? С Настей, возможно, все проще. Ей завидуют. Она отвечает презрением. Такой характер. Упадет, сломает себе что-то, никого не позовет. И ее, Марину, тоже. А она бы прибежала, конечно.

Но нет, не может быть, чтобы дружили только из жалости. Марина знает горбунью, знает хромых, слепых – что-то у них нет такого количества подруг и преданных учеников. У каждого человека есть какие-то ученики, независимо от профессии. А Марина даже не так чтобы очень хороший учитель. Она патологически зависит от мнения и вкусов мамы. Даже сейчас, когда мамы нет. Это тоже не проходит никогда и ни в какой ситуации. Она могла при подготовке к уроку перечитать десятки самых лучших и нужных книг, написать правильный и объективно хороший конспект... А потом в слезах разбудить маму: «Сделай, как нужно. Или я никуда завтра не пойду». И мама спокойно вставала, смотрела ее текст, всегда хвалила: «Я бы никогда не догадалась использовать и это...» Дальше так же спокойно писала другой текст, в три раза короче, но он был такой... Был благоуханный.

– Тут у тебя останется время, – говорила мама, – прочитай вот этот кусочек. Он сразу откроет детям все, что нужно, для понимания этого писателя.

Марина посмотрела на часы. Шесть утра. И, как назло, уже начались школьные каникулы. И дом, ее большой дом, опустел месяца на три. Она одна. А это не беда. Это крест ее жизни. Ей так хорошо с друзьями и учениками. Но у всех свои жизни. Они туда и уходят. Оттуда звонят, пишут письма, шлют открытки и подарки. Это самые ценные вещи в жизни Марины – детские картинки, которые она развешивает по стенам, яркие поздравительные открытки, которые она аккуратно укладывает в стопочки по датам, всякие подушечки, расшитые от руки, фотографии в рамках. Друзья и ученики звонят. Будет время, приедут обязательно. Марина это точно знает. Она позвонит – приедут мгновенно, если в Москве, и при первой же возможности приедут издалека.

Не позвонит и не приедет только Настя. Видимо, никогда. Когда сестра уходила из этого дома после похорон мамы, Марина знала: навсегда уходит. И не подумает оглянуться, посмотреть, как дрожат у нее губы и руки... Они не ссорились. Просто их перестала связывать общая, одинаково любимая мама. Просто они не сошлись во взглядах на большую политику. У Марины раньше не было никаких взглядов. У нее были взгляды мамы. Мама всегда соглашалась с Настей, она, как и папа, сотворила из нее кумира. Для Насти ее мнение – единственно верное. Марина стала говорить все ровно наоборот. Даже приветствовать войну.

– Что ты несешь, – брезгливо сказала Настя. – У нас родню закопали фашисты в Бабьем Яру, наш дедушка пролежал двадцать лет парализованным после очередного допроса в КГБ.

А он просто хотел делать хорошую муку и был против того, что наши солдаты воюют как оккупанты в чужой стране. Он сам воевал за свою, вырывая жизнь из лап двух фашизмов. Для нас, чтобы решать нам в уме задачи до последнего своего дня, пусть и лежа в неподвижности.

А Марине как-то надо было заявить о том, что она есть сама по себе и без мамы. Как-то надо защищаться от этой безысходности, неизбежности, очевидности. Только это. Это она ездила в Киев искать тех родственников, чьи предки были зарыты в Бабьем Яру. И дедушку она знала на десять лет больше Насте. Такая между ними разница в возрасте. Она сестре больше никакая не сестра. Сводная – это же курам на смех, а не родня. Особенно если тебя не любят.

Марина вышла в сад. Хорошо. Роса. Умытое солнце. «А в небесах свистят-свистят безумные птенцы» – совсем как у Бродского: «Мы едем-едем по земле, куда не умрем...» Все в разлуке со всеми едем и живем. Она подняла голову, солнце ласково заглянуло ей в глаза. Так захотелось жаркого дня, моря или волн Дуная... Но Марина туда теперь – никогда в жизни.

Вчера звонила Василка из Болгарии. Одна из преданных подруг. Они познакомились давно, в «Артеке», где проводился форум учителей из разных стран. Василка такая забавная, веселая, полная, крепко сбита, с черными яркими глазами и белозубой улыбкой. Она сразу привязалась к Марине. И Марина с ней была веселой и общительной. И думала так, как Василка. Пригласила ее в Москву. Та приехала, навезла кучу всяких болгарских сладостей и почему-то много разных кусков ткани. Все с цветами или национальными узорами. Оказалось, что она себе платья шьет сама. Мама потом отнесла ткань их портнихе-дизайнеру, которая из одинаковых тканей умудрилась сшить абсолютно разные платья, блузки и сарафаны Марине и Насте. Настя в тех нарядах была королевой, Марина ее сводной сестрой. Марина через несколько лет приехала в Болгарию. Ах, как же там было!

Василка удачно вышла замуж. За состоятельного, правильного и четкого бизнесмена. А любила она Володимера, другого и совсем неправильного человека. Вышла замуж даже не потому, что Богдан богаче и надежнее, чем Володимер, который жил с мамой. А просто потому, что Володимер не собирался ни на ком жениться. Но разрешал ей быть рядом с собой, принимал любовь и заботу.

У Василки тоже был отпуск. Она показывала Марине свой городок, они купались в Дунае, гуляли в парке, где по вечерам люди просто так выходили – посмотреть друг на друга, пошутить, выпить пива, потанцевать на площадках. Было очень весело. Через несколько дней Василка повела Марину в горы. Там, на пустынном холме, вдали от людей, среди деревьев и вьющегося, ползущего вверх винограда, был маленький дом Володимера и его мамы.

Володимер. Что-то так туманит память и взгляд Марины, что она не может вспомнить в деталях его лицо и фигуру. Только ощущение: крепкий, сильный, как будто прокаленный жарким солнцем, выдержанный в аромате буйных цветов и виноградного вина. Руки у него очень мужские, ловкие и, кажется, такие надежные... У Богдана совсем не такие руки, хотя надежным человеком был именно он. Володимер рвал на куски этими руками горячий домашний болгарский хлеб, разливал домашнее вино собственного производства по большим кружкам, крупно резал яркие овощи, раскладывал в вазы какие-то райские фрукты, пьяные от солнца, запаха и сладости. Старался говорить по-русски, но неумело, со смешным акцентом. Василка влюбленно смотрела на него, смеялась, переводила.

Сказочный был тот отпуск. Они втроем купались в Дунае. Марина узнала, какие там сильные, высокие волны. Однажды она заплыла немного дальше, чем нужно, обратно не могла вернуться. Чувствовала, что силы кончаются. И тут рядом оказался Володимер. Он подтолкнул ее, потом просто потащил за собой одной рукой. Держал выше локтя. Это единственное его прикосновение к ней за все время. Он, конечно, забыл, а у нее то место, кажется, до сих пор горит.

Василка, провожая Марину, просила приехать еще. Обещала, что в следующий раз свозит подругу в Варну. И что их повезет Володимер. Но поездка оказалась невозможной в течение

нескольких лет. Болел и выкарабкивался отчим, надо было страховать маму. У отчима была большая проблема с легким. Временами врачи говорили – все, дальше резать нельзя. А потом все же решались, и он восстанавливался, потому что очень хотел жить. Он хотел работать, любить жену и свою дочку. Своего позднего ребенка – Настю. Настя, конечно, тоже приезжала помочь, навестить. Но она была в своих драмах – убежала от одного мужа к другому, страдала из-за того, что оба страдали и мучили ее. Много работала: везде писала, выступала, она окончила Литинститут, в промежутках издавала женские романы исключительно про любовь. Опыт позволял ничего не придумывать. Хватай из воздуха то, что сама натворила, и пиши. Промежутков ей часто не хватало даже на сына, прелестного синеглазого Тараса, поэтому он подолгу жил у бабушки с дедушкой.

Лишь два года назад что-то удалось решить и совместить. Василка пригласила не только Марину, но и Настю с Тарасом. У них получилось поехать первыми. Мама сказала: «Я просто счастлива, что Настенька и ребенок отдохнут. И эти сумасшедшие мужья ее там не найдут».

Василка устроила Насте с Тарасом ту же программу, что и Марине. Парки, гулянья, путь наверх – в царство Володимера. Он им рвал горячий хлеб и наливал свое вино... Настя смотрела на его руки, в которых жаркое солнце, запах цветов и вина. Но Настя все рвалась в Варну. Она очень любила море и жару. Мама и Марина звонили Василке почти каждый день. Марине показалось, что подруга говорит о поездке в Варну грустно и обреченно. Договорились, что Марина приедет прямо туда, в квартиру, которую сняла для всех, кроме Володимера, Василка. И она приехала в ослепительный летний день. Нетерпеливо ждала их в этой квартире. Видела, как они подъехали с моря. Володимер высадил Василку, Настю и малыша, привел их в квартиру, по-родственному приветствовал Марину и ушел к себе, он снимал квартиру неподалеку. Жить с посторонними женщинами он не мог.

Вечером Володимер заехал за всеми, и они отправились в ресторан. Какой-то странный ресторан. Все, как у себя во дворе, сидели за длинными столами под открытым небом, говорили, как родственники, смеялись, пели, рвали руками горячий хлеб, разливали вино. Мужские взгляды со всех сторон просто прилипали к Насте, она отмахивалась, как от мух. Володимер мрачнел. А Василка вдруг налила себе сама большую кружку вина и сказала тост. По-русски, у нее почти нет акцента.

– За десять дней, которые потрясли мир.

Настя с сыном в Болгарии провела именно десять дней. Впереди было еще столько же дней этого отдыха. Ночью Василке было плохо из-за того, что она перепила. Она практически не пьет...

Марина вошла в дом, включила компьютер, нашла фотографии того лета. Надменное лицо Насти, преданный, как у собаки, взгляд Володимера, его надежные руки, сжатые в кулаки, чтобы не тянулись к Насте, черные, как ночь, глаза Василки. И смеющийся мальчик, синеглазый и безмятежный. И она, Марина, сторбившись над книжкой, сидит в пляжном шезлонге далеко от моря, которое тоже любит... Одна. В стороне от того, что происходит, что не хочет видеть. Но она все видела. И думала временами: лучше бы мне выкололи глаза, когда якобы исправляли косоглазие.

Впрочем, лето бывает и здесь, в Подмосковье, куда она переехала с родителями вскоре после того отпуска в Болгарии. Отчиму становилось все хуже. Дышать в Москве ему было нечем. И резать больше было нечего.

Здесь хорошо. Марина открывает все окна в свой маленький дикий сад: кто-то посадил здесь эти сливы, яблони и вишни, они и живут тут сами на свободе. И на них созревают плоды. В прошлом году был обильный урожай. Марина даже приглашала людей его снимать. Мыла, раскладывала по пакетам, разносила тем ученикам, которые никуда не поехали отдыхать. Теперь она работала учительницей в маленькой поселковой школе.

Она купила себе мощную стиральную машину и через день стирала в ней белое постельное белье. Потом развешивала его во дворе. Складывала стопками на полке в шкафу. Белье чудесно пахло, когда она его снимала – чистым воздухом, вечером и утром, семьей и мамой, которая недавно умерла, не сумев научиться жизни без мужа. А ведь им было так хорошо вдвоем, казалось Марине. Теперь понятно, что хорошо было только Марине. А мама позволила своему больному сердцу разорваться. И оставила старшую, никем, кроме нее, не любимую дочь. В утро ее смерти Марина позвонила сначала своим преданным друзьям и ученикам, которые занялись печальной помощью, потом Насте. Сказала, что мамы нет, что похороны через два дня.

– Так быстро? – испуганно спросила Настя.

Насте было страшно расставаться со своей мамой.

– А когда бы ты хотела? – грубо ответила Марина.

Она сообщила сестре о том, что будет хоронить свою маму.

– Я вообще не хотела, чтобы она умерла, – сказала Настя о своей маме.

Они и в горе не поместились рядом.

Марина прошлась по комнате, открыла огромный книжный шкаф, привычно провела ладонью по корешкам книг, так она их приласкала. С тоской взглянула на пустое кошачье лукошко. И Марсик, толстый и старый, ушел от нее туда, за горизонт, в кошачий рай.

Марина заварила на кухне мюсли в широкой пиале, позавтракала и стала собираться на кладбище. У нее за день будет много разговоров с друзьями и учениками. Но вопросы задавать она ходит на кладбище. Точнее, всего один вопрос: «Как же все так у нас получилось?»

Дорога на кладбище была пустынная. Подходящая для мыслей, заманчивая для коварных воспоминаний. Дома их отгонять легче.

...Оставшиеся десять дней потрясли не только Василку. И ведь не расскажешь никому. Даже маме Марина ничего не рассказывала. Но та что-то понимала, судя по случайным словам. Как расскажешь о том, что на берегу синего моря, на золотом, расцелованном солнцем песке, рядом с родными людьми и преданной подругой, рядом с чужим и приветливым мужчиной ты была в аду? Нет, Марина не была влюблена в Володимера. Она себе бы никогда это не позволила. Это нелепо. Об этом не стоило и мечтать. Но даже если бы это было возможно... Если бы была надежда, что он как-то ответит, просто заметит ее... Исключено. Это мужчина Василки, которая на смерть за него пойдет, тут не было сомнений. И он так мило и по-доброму принимал обожание Василки, что Марина радовалась за подругу. Никогда, ни одной завистливой или ревнивой мысли. Это был красивый, поэтический мир, и Марина была в нем уместна. Настя не просто разбила его на кусочки, она разнесла этот мир в пыль. Вот что происходило на золотом песке, в синем море, на улочках Варны, в их квартире с окнами на горы.

Настя безумно любила воду, она готова была в подмосковной луже плескаться вместе с утками до посинения. А тут – такое блаженство. И она бегала по песку сначала с Тарасом, они смеялись и плавали на мели, мальчик только учился. Володимер стоял на берегу и напряженно смотрел. Как дежурный спасатель. Потом ребенок бежал, чтобы зарыться рядом с Мариной и Василкой в горячий песок, просить пить, фрукты, мороженое – все сразу. А Настя уплывала далеко, дальше всех... И когда ее уже было трудно рассмотреть с берега, Володимер бросался в воду, как будто до этого боролся с собой, пытаясь удержать себя на расстоянии. Но расстояние в какой-то миг становилось для него невыносимым. Он плыл сильным брассом, мелькали над водой и сверкали его шоколадные от загара, умелые и надежные руки. И они догоняли Настю. И обнимали ее там, на большом расстоянии, он ее целовал, это Марина видела и без бинокля, в который смотрела Василка. Марина со своим косоглазием видела все. Что не видела, то легко могла восстановить, когда они вдвоем выходили на берег. Он по-хозяйски осматривал Настю и поправлял ее крошечные трусики. Марину и сейчас качнуло при этом воспоминании, как в

школе после какого-нибудь ужасного унижения, как дома после грубого окрика отчима. Ласкового Настиного отца.

А Василка там, на этом растекающемся от страсти ее мужчины пляже, с каждым днем становилась все больше похожей на суровую вдову. Она не смеялась и не пела. Да и не ела. Все нравилось только ребенку. Его Володимер таскал на руках и целовал, как своего. Как ребенка Насти. Он бы носил на руках и парня лет двадцати, как ребенка Насти.

Тарасу в сентябре нужно было идти в первый класс. Володимер как-то зашел озабоченный к ним, уже после пляжа, сказал, что присмотрел красивый ранец. Они ушли вдвоем и не возвращались несколько часов. Марина была в ужасе: неужели сестра настолько развратна, что с ребенком пошла на квартиру к Володимеру? Она бегала по улицам Варны и спрашивала по-русски: «Где продаются ранцы?» Как идиотка. Ей доброжелательно показывали, предлагали проводить, она отказывалась. А потом увидела их совсем близко. Нет, они не ходили к нему на квартиру, это было понятно. Тарасик надел на себя новый яркий ранец, Володимер был обвешан какими-то свертками, наверняка накупил мальчику всякого приданого в школу. До дома, где их квартира, оставалось несколько метров, но он вдруг остановил Настю, придержал ее за руку и произнес с акцентом:

– Я хочу тебе сказать... Нам надо быть вдвоем... Только для того, чтобы я мог тебе сказать...

И замолчал надолго. А Тарасик, сияя голубыми любопытными глазами, звонко прервал паузу:

– Так говори же, дядя Володимер... Почему ты молчишь?

У Марины тогда все поплыло перед глазами. Ребенок! Она позволяет себе такое при ребенке... Понятно, что Марине не с кем и сейчас поделиться возмущением по тому поводу. Любой скажет: «А что такого страшного произошло при ребенке?» Страшное – и сейчас уверена Марина. А потом было еще страшнее. Она прибежала в квартиру, где среди бела дня курила и пила ракию Василка. Встретила этих троих, как будто никуда не выходила, но недобро взглянула даже на любимого племянника, хотя и похвалила ранец, повела мальчика мыть руки. А Володимер повел Настю по коридору в их с Тарасиком спальню и закрыл изнутри дверь... Минут на пятнадцать. Потом быстро убежал, как будто в пропасть бросился от непосильной страсти.

Ночью у Марины была истерика. Пришла Василка и влила ей в рот несколько глотков ракии. Марина не выносила алкоголя. Но ей стало легче от жжения в груди. Голова только немного поплыла. Она направилась в ванную, умылась холодной водой, а на обратном пути потеряла равновесие и села на пол посреди коридора. Василка испугалась, позвала Настю, которая выскочила в растянутой майке на голое тело, наклонилась к сестре, а Марина до крови прикусила себе язык, чтобы не взвыть, не вцепиться зубами в эту загорелую, развратную грудь, в эти гладкие бедра, от которых пахнет солнцем, морем и руками Володимера... Так они отдохнули тогда. Сестры...

На кладбище было солнечно. Солнце прогревало землю, пробиваясь к тем, кому сейчас холодно. Кто ждет живого тепла. Вот Марина и пришла. Она села на скамеечку и смотрела на два портрета. У нее много невысказанных упреков, но она пришла не для этого. Она задала свой вопрос и долго ждала ответа. Она его получила. «Потерпи, доченька», – сказала мама. А что еще она могла сказать? Но ее голос зазвучал где-то там, под пышными и красивыми волосами Марины, за ее детским и не таким уж заметным косоглазием.

Марина встала, как будто глотнула какой-то волшебный успокоительный и витаминный коктейль, вынула из сумки пакет с пирожками, которые пекла с вечера перед этим свиданием, разложила их на могиле. Пусть прилетят к маме птицы. И к нему. К папе. Только на кладбище она называла отчима папой.

Путь домой был спокойным. Но вдруг откуда-то набежали на солнце серые облака, возникла тревога, и позвонила Василка. Она даже не поздоровалась. Она кричала:

– Марина, Марина, Володимер пропал!

Оказалось, что он куда-то поехал, ничего не сказал ни своей тихой матери, ни Василке, его нет четвертые сутки. В ДТП не попадал, Василка проверяла, в больницах нет, на самолет и поезд билет не покупал.

– Что же я могу сделать? – в ужасе спросила Марина.

– Узнай у Насти. Я чувствую, что он мог поехать только к ней.

– Я не знаю, как спросить... Мы почти не общаемся. Она мне не скажет. Она будет злиться, что я ей мешаю и говорю глупости. Подумает, что я сошла с ума...

– Ты так много уже наговорила. За это время ты могла бы уже получить какой-то ответ. Скажи ей, что его мать переживает!

– Хорошо.

Настя была сонной, она поздно вернулась накануне: отвозила Тарасика в спортивно-оздоровительный лагерь.

– Господи, – сказала она. – Чего вы только с Василкой не придумаете! Только вам такое могло прийти в голову. Мало ли куда Володимер мог поехать? И, скорее всего, он сказал маме. Но у нее плохо со слухом. Василке он докладывать не обязан. А мне... Честно, Марина, я даже не сразу сообразила, о ком речь. Как он мог приехать ко мне, подумай? Без звонка, без моего согласия. У меня муж только что ушел на работу. А я вчера весь день была с Тарасом, ночью приехала. Выпей валерьянки. Как у тебя дела?

– Хорошо. Ходила к маме с папой.

– Молодец. Я обязательно тоже вырвусь. Ты часто ходишь, передавай им от меня привет. Я их люблю.

«Я их люблю», – так выразилась сводная сестра.

Марина позвонила Василке, передала то, что сказала Настя.

– Она, может, и не сразу сообразила, да он не забывал. Я его знаю. В общем, буду звонить. Ты, пожалуйста, тоже.

К дому Марина бежала под проливным ливнем. Она радовалась ему, как освобождению. Только не эти тревоги, воспоминания, не этот страх. А вдруг действительно что-то случилось?

Она успела сбросить мокрую одежду, прогреться в горячей ванне. Успела выпить очень горячий чай с лимоном, съесть пирожок с капустой... И тут раздался звонок. Номер знакомый, ей ведь никогда не звонил Володимер, у нее и телефона его не было. А это был он. От звука его голоса, от его акцента она сразу попала на костер.

– Здравствуй, Марина, – сказал он, этот мужчина Василки, такой ненадежный, такой неправильный. – Я в Москве.

В костер упало сердце Марины. Безумная надежда, кажется, его выронила из рук.

– Ты хочешь приехать ко мне? Но тебя ищут. Мама, Василка. Почему ты им ничего не сказал?

– Я думал, что быстрее вернусь. Но Насти вчера до вечера не было дома. Я ночью не мог звонить ей домой. Только сейчас она нашлась. Возила Тараса в лагерь. Марина, да, я хотел бы приехать к тебе. Если она согласится. Она не пойдет со мной в гостиницу. Ей нельзя, узнает муж...

Сердце, вспыхнув в костре, превратилось в обожженную, черную шкурку.

– Да, конечно, – ответила она. – Если Настя захочет. Мне уйти? Я могу пойти к подруге.

– Да нет, – ответил Володимер. – Мы тебе не помешаем. Выделишь нам какую-нибудь маленькую комнату, далеко от тебя. Ты же одна... Настя может со мной встретиться только вечером. А ее муж собирается после работы поехать к Тарасу. Повезет ему запасную теплую куртку, обещали дожди и похолодание. Но к ней домой нельзя. Соседи увидят.

Какой страшный, безумный, циничный, развратный кошмар. И эта простота, с которой Володимер все разложил по полочкам. Да уж, простота хуже не только воровства. Она бывает хуже убийства.

– Хорошо, – сказала Марина. – Только ты должен мне точно сказать, когда вы приедете. Мне надо убрать, погладить постельное белье, что-то приготовить.

– Готовить не нужно, – деловым тоном прервал ее Володимер. – Я привез вкусные вещи. И вино, фрукты. Тебе понравится.

«Какие сомнения? Уже понравилось», – подумала Марина и принялась за уборку. Все валилось из рук, но она вытягивала перед собой свои маленькие ладони, смотрела на тонкие, почти детские пальцы, которыми когда-то играла на скрипке, но бросила, – и давала им команду: работайте. И она гладила им белое постельное белье, которое пахло воздухом, домом и мамой... Но что-то главное, что-то такое она должна сделать, должна успеть. Никак не сообразит. Василке позвонила, попросила передать матери Володимера, что он жив и в Москве. Что дальше, зачем приехал, сказала, что не знает. Он просто позвонил. Может, заедет. И тут она поняла, что нужно сделать. Это еще циничнее и развратнее, чем их поведение, но она так долго берегла свою чистоту, что к ней грязь уже не пристанет. Пристанет – сунет себя в стиралку вместе с их греховным постельным бельем.

Марина позвонила своему выпускнику в Москву. Игорю Сушкову. Сказала, что у нее проблема. Подобрала больного котенка, он в клинике, ей завтра его забирать, долечивать, но его нужно изолировать. Она спит в маленькой комнате, смежной с кухней, а котенка хочет оставить на ночь в кухне. Но дверь открывать нельзя, он заберется к ней, а у него лишай и глисты. Но она должна за ним наблюдать: ему может стать плохо.

– Легко решаемый вопрос, – сказал Игорь. – Сделаю вам окошко, будет даже красиво.

У Игоря были золотые руки. Он быстро приехал и все сделал. В том, что в маленькой комнате, где стояла большая кровать, застеленная свежим бельем, они не выключат ночники, Марина не сомневалась.

К ней хотела приехать вечером подруга с мужем, но Марина болеет: простудилась под дождем, когда шла с кладбища, и рано ляжет спать. Она открыла дверь Насте и Володимеру, и сердце вопреки всему обрадовалось им. Сестренка, младшая, сероглазая, маленькой была такая серьезная. Володимер, такой открытый и радушный, он приехал из другого лета, более яркого и счастливого. Но от волнения Марина не могла рассмотреть их хорошо. Только детали. Это были убийственные детали. Настя была не накрашена, ни капельки. Как у себя дома перед сном. Она не хотела тратить время на то, чтобы умываться. Для другого приехала, она спешит это получить. Получить мужчину, который без нее по ней с ума сходил два года, а она утром не могла сообразить, о ком речь. Володимер... От него просто слепило глаза. Марина видела только шоколадные руки, от которых жар чувствовался на расстоянии, и взгляд... Другой взгляд, не тот, который она помнит. Его светло-карие, ореховые глаза смотрели требовательно и нетерпеливо с загорелого, нестерпимо мужского лица. Марина увидела себя где-то на краешке его радужки. Он по-хозяйски стал накрывать стол, сам все находил, как будто он здесь не впервые и не на одну ночь. Рвал хлеб, разливал вино.

Настя сказала после ужина:

– Я оставила Косте записку, что ты простудилась. Он был вне доступа. Может позвонить.

– Так я на самом деле простудилась, – и Марина закашлялась, прижала к носу платок. У нее искривленная носовая перегородка. Насморк не кончается. – Я ему скажу, когда позвонит. Если ты будешь уже спать.

Они ушли. Марина будет помнить эту ночь и на том свете. Она стояла много часов босиком в темной пустой кухне и смотрела в окошко, сделанное Сушковым. Красиво действительно получилось. А они, как Марина и думала, не выключили ночники. Более того, Володимер включил бра и настольную лампу. Он хотел все видеть и запомнить. Он носил Настю в ванную,

дверь они тоже, конечно, не закрывали, купал, как ребенка, кутал в полотенце, сушил капли воды губами. Ох, как хорошо Настя вспомнила, кто это такой! Марина в свои сорок пять лет понятия не имела, что так бывает. Так страшно, бесстыдно, так красиво, так мучительно, так сладко и окончательно. Так жестоко по отношению ко всем людям, которые страдают от того, что этим двоим сладко. Марину физически тошнило от постельных сцен в кино. Она – чопорная старая дева. Вот и довелось узнать, что те сцены действительно мерзость и фальшивка.

Утром они завтракали, как примерная семья. Марина доложила, что Костя звонил, она ему все сказала. Он ей пожелал выздороветь, Настю просил не будить. Володимер уходил из ее дома, как изгнанник из рая. На пороге остановился, сказал:

– Ох, я забыл.

Вытащил из одного пакета, с которым приехал к Марине, два завернутых в атласную бумагу свертка. Один был больше. Его он протянул Насте. Меньший – Марине. Поцеловал ей руку, страстно благодарил. За приют утоленной страсти. Да нет, не утолил он страсть. Глаза опять другие. Потерянные и голодные. А у Марины осталось столько вкусной еды в этих его пакетах. Они выходили, когда Насте позвонил муж. Она положила свой пакет с подарком на стол, чтобы достать телефон. Поговорила, а пакет забыла. Марина видела и ничего не сказала. Володимер, к счастью, не заметил.

Марина, когда они ушли, раскрыла сначала свой подарок. Там была золотая коробка с набором ароматических масел. Она прочитала «Золотая роза», открыла флакон, запах был сладким, стыдным, душным. В пакете Насти оказалась такая же коробка – какой справедливый этот мужчина Василки, – а под коробкой красивый, тоже весь в золотом орнаменте русско-болгарский словарь. На первой странице было написано: «Чудно красива жена».

От слова «жена» Марина едва не потеряла сознание. Бросилась к компьютеру, нашла в гугле переводчик с болгарского... Чуть отлегло. Это всего лишь: «Дивно красивая женщина». Просто женщина, а никакая не жена.

Позвонила Василка. Марина начала что-то говорить, подруга впервые резко и гневно сказала:

– Как ты можешь мне врать! Они были у тебя. Ты пустила их. Ты, моя подруга, порядочная женщина...

Ну вот и Марина получила свой комплимент. Дальше нужно было бежать и спасаться. Срывать их постельное белье, раскладывать по другим пакетам оставшиеся фрукты и сладости, разносить ученикам, которые не уехали на каникулы. Она так бегала по поселку, возбужденно и слишком весело о чем-то говорила. Рассказывала про отдых в Болгарии, о том, как чуть не утонула в Дунае, о том, как ее спасли.

– И этот человек вчера приезжал ко мне. С моей сестрой.

Так удалось убить день. За это время погода стремительно менялась: то солнце, то грозовые тучи. Гроза медлила, откладывала выстрелы и удары. Оставляла на ночь, когда Марина останется одна.

Марина вошла в свой двор, подняла голову к небу и попросила маму: «Помоги». И мама услышала. У крыльца раздался жалобный писк. Она вскрикнула, зажгла свет у входной двери. Маленький серо-голубой котенок плакал-надрывался от страха, горя и сиротства. Марина схватила крошечный комочек, внесла в дом. Появилось дело. Нужно срочно спасать, лечить, кормить.

А потом раздался гром. Но он был какой-то странный. И не с неба. Боже! Это не гром! Это кто-то колотит чем-то тяжелым в ее крепкую стальную дверь, которая закрыта на пять надежных замков. Марина так сделала после смерти мамы. Она ужасная трусиха. К тому же слышала, что в их поселке есть какие-то бандиты. Они нападают на дома, грабят, кажется, кого-то даже убили. Марине было страшно слушать такие истории. Дверь-то, конечно, крепкая, замки тоже. Но она в проеме, который выбить не так сложно. Окна без решеток, как у других.

Это конец. Марина схватила котенка, прижала его к груди. Утром она не хотела жить. Сейчас... Дело в том, что ей будет больно, что ее будут унижать, что у нее этот кошачий ребенок. Потом схватила телефон и стала звонить в полицию, друзьям. Только Насте она не позвонила. А в спальне уже звенело разбитое окно, раздавались грубые и отвратительные крики. Никто не успеет доехать.

И вдруг раздался гром, нет, это тоже не такой гром, не с неба. Это похоже на выстрелы. Потом чьи-то ругательства, топот ног – уже от ее дома. И в тумане слез и страха Марина услышала мягкий мужской голос у разбитого окна.

– Марина, это ваш сосед, Арсений. Откройте дверь, пожалуйста, они убежали.

Марина опустила котенка, трясущимися руками открыла свои замки. На крыльце стоял седой, красивый, грустный и мудрый мужчина. Они редко встречались, хотя жил он через дом. Просто видели друг друга. В руках сосед держал охотничье ружье. Марина взглянула на ружье с ужасом.

– Там просто порох, – понял ее страх Арсений. – Трупов штабелями в вашем дворе нет, Марина. Это такие храбрецы... Я их знаю.

– Ой, – смутилась Марина, – а я вызвала полицию, друзей... Неудобно получилось.

Он рассмеялся, этот милый Арсений.

– Вам неудобно от того, что враг бежал? Я все объясню. Мы извинимся.

Так они и сделали. Все уехали. Котенок уснул. Марина разлила вино, которое привез Володимир, порвала руками хлеб, не разогревая. Порезала овощи, помыла фрукты.

– Это мне из Болгарии привез... Знакомый.

Они выпили, Марина вспомнила эти ужасные ночь и день, свой позорный, дикий поступок... Слезы смешались с вином, глаза, наверное, косили, нос, конечно, покраснел. И она все рассказала Арсению. Она ни за что не рассказала бы это никому, даже маме. Она рассказала даже про окошко, которое сделал Сушков! Арсений слушал ее внимательно и сочувственно.

– Но ничего страшного ведь не произошло. Им было хорошо. И тебе будет хорошо. В свое время. Это к разным людям приходит в разное время. Иногда через боль.

– Какое время, – всхлипнула Марина. – Мне сорок пять лет. Я – старая дева. Я не могу жить и работать без мамы. У меня косоглазие, искривленная носовая перегородка. Меня не любил отчим, у меня красивая сестра, которая разрушила жизнь моей подруги. А через меня они просто переступили. Оставили масло «Золотая роза».

– Какие красивые у тебя волосы, я всегда люблюсь, – сказал Арсений. – Волны, как из червонного золота. А руки у тебя, как у девочки, которая играет на скрипке. Ты успокоишься, слезы – это полезно бывает. Они все ненужное смоят. И мы со всем справимся. Мне гораздо больше, чем сорок пять. Я знаю.

Котенок проснулся и пошел, покачиваясь, по волнам человеческого тепла. Его разбудило отсутствие сиротства...

Володимир вернулся в свой благоуханный дом. Долго ждал звонка или какой-то весточки от Насти. Послал ей на почту несколько коротких писем, из которых все было понятно. Ответа он не получил. И запил. Когда умерла его мама, он позаботился о том, чтобы все было, как нужно, даже пел печальную прощальную песню на поминках. А потом повесился в своем прекрасном саду. Василка развелась с мужем. Сказала Марине по телефону: «Если бы были дети... А так... Мы больше не могли притворяться». Настя сбежала с Тарасом от Кости к очередному мужу. Перед этим они приехали к Марине. Она утешала плачущую Настю, переживала за Тараса. Тарас воспринял это все уже как привычное приключение. Арсений повез их тайными тропами, чтобы Костя не догнал. Он гнался за Настей, как и предыдущий муж, когда она убегала к нему. Машина Насти стояла во дворе Марины, Костя бегал, все переворачивал, как будто его жена и сын могли спрятаться под кроватью или в шкафу.

– Костя, – сказала Марина, – хорошо разным людям бывает в разное время. Это точно. Так сказал Арсений.

Она уже думала так, как ее будущий муж. С ним ей не хотелось спорить. А котенок, спасший ее в тот вечер, терся об ноги. Она назвала его просто «Котик».

Анна и Сергей Литвиновы Ласковое солнце, нежный бриз

- Вопрос на засыпку: кто никогда тебя не предаст?
- Человек верный и преданный.
- Ответ неправильный.
- Тот, кто хорошо мотивирован.
- И снова в молоко.
- Тот, кому в случае предательства есть что терять.
- Разумно, но опять мимо цели.
- Так кто же?
- Тот, господи, кто *сам ничего не знает*.

* * *

Как же они все меня честили, включая Антона! Любимый сын обозвал «эскаписткой» и «дауншифтершей». Вот вырастила умника на свою голову! Я не поленилась, залезла в Интернет. И поняла: мой высокочудрый сынок, как всегда, бросается словами, не совсем понимая их смысл.

Потому что «эскапизм» происходит от английского *escape* – «бежать, спастись» и означает уход от действительности в *вымышленный* мир. Но я ни в какой *вымышленный* не собиралась. Я намыливалась в очень даже земной мир! На мой взгляд, гораздо более настоящий, чем прокопченная, надрывная Москва.

Мир, где ярко светит солнце, небо лазурно, плещутся волны. И ветер наполняет паруса, и поют снасти... Зато с «дауншифтершей» Антон почти угадал.

Слово «дауншифтинг», втирала сетевая энциклопедия, происходит от английского *down shifting* – дословно-коряво значит «спускаться вниз». Дауншифтерами называют людей, которые сознательно отказываются от солидной должности и высокой зарплаты в пользу семейных посиделок, новой работы, больше похожей на хобби, или эмиграции в Гоа.

Правда, ко мне слово *down* – «снижение» – не очень-то подходило. Ни от какой слишком уж солидной должности я не отказывалась. Да и свою нынешнюю зарплату не назвала бы огромной.

А вот глагол *shift* – «изменение» – оказался в самую точку. Впервые за последние четыре года, прошедших после смерти Вадика, мне захотелось хоть каких-то перемен. Точнее – захотелось хотя бы чего-то, выходящего за рамки самых примитивных потребностей: спать-есть-пить-помогать-заботиться (об Антоше)... Я вдруг поняла: если я не трансформирую свою жизнь сама, она уже никогда не поменяется.

Я сейчас в том возрасте, в каком был Вадик, когда женился на мне. Боже, каким же он мне тогда казался взрослым! И даже порою – старым. Особенно если я рассматривала его тайком – например ночью, когда он спал или когда самозабвенно, не замечая ничего вокруг, работал.

В ту пору мне было девятнадцать, и я думала, что за пределами сорока – жизни нет. Да что там сорока! Я полагала, что уже после тридцати пяти начинается дряхление, увядание, смерть всех желаний... А Вадик смеялся: «Да после сорока жизнь только начинается! Самый вкус!»

– Что там хорошего, в старости?! – искренне ужасалась я.

А мой будущий муж хохотал:

– Чудачка! После сорока ты, наконец, понимаешь: зачем ты в этот мир призван. Понимаешь свое тело: чего оно хочет. И свою душу: что ей надобно давать и что она может тебе отдать...

Вадик тогда казался мне таким умным. Да я всегда считала его мудрецом. И сейчас мне ужасно не хватает его умения растолковывать разные непонятности – точно, метко, образно... Как недостает Вадика для тысячи других вещей: пить чай, ходить в кино, валяться на пляже, сидеть в кафе, гулять по лесу... Обоим клеить, ужинать вместе с ним и Антошкой, а по воскресеньям – завтракать втроем...

Вот, не могу. Опять разговор сам собой сбивается на Вадика, и глаза на мокром месте.

Конечно, когда я выходила замуж за человека старше себя на двадцать три года, я знавала: скорее всего, наступит день, когда я останусь одна. Но я не думала, что он придет так скоро. И не дряхление или болезнь будет тому причиной, а трагический случай. И главное, что ушедшего мне будет настолько не хватать...

Ну вот, разнюнилась. Все, все. Хватит рыданий... Рассказ мой не о Вадике, а совсем о другом.

О том, как женщина сорока двух лет (перед вами я не буду кокетничать, скрывая свой возраст) начинает новую жизнь. Совершенно новую. Практически с нуля.

* * *

К яхтам (как и ко многому другому) меня приучил Вадик. (А разве могло быть по-другому с девятнадцатилетней девчонкой, которая решила связать свою судьбу с мужчиной за сорок!) Когда он впервые вышел на кафедру в качестве приглашенного лектора и начал говорить, моя душа замерла от восторга, и совсем не потому, что я в него влюбилась – любовь пришла позже. Просто он сразу поражал и как мужчина, и как ученый: умный, яркий, красивый, стильный, независимый, уверенный в себе... При сем он всегда, когда мы уже были вместе, говорил – безо всякой рисовки, – что неправильно выбрал профессию: всегда хотел стать моряком. И когда у нас появилась возможность, мы все свои отпуска стали проводить (порой дважды в год) под парусом. А в выходные тренировались на собственной яхточке-посудинке на Пироговке.

Только не подумайте, что наша жизнь с Вадиком была облита сахарной глазурью, взбитыми сливками и шоколадом. Почему-то у многих при словах «собственная яхта» возникает образ олигарха верхом на многопалубном белом пароходе. Однако за рубежами нашей Родины яхтинг сейчас – такое же хобби, как, скажем, горные лыжи, дайвинг или теннис. Не слишком дешевое, но если ты работаешь – особенно адски, как Вадик, – запросто можешь себе позволить. Вот и мы начали себе позволять – и первые года три считали свои поездки неслыханной роскошью, подарком судьбы. А потом привыкли. Сволочь человек, ко всему привыкает, и к счастью своему тоже. Даже не замечает его.

А ведь в какой-то момент грандиозной перестройки и последующего большого хапка, в начале девяностых, у нашей семейки (Вадик, маленький Антошка и я) не то что яхты – порой даже хлеба не было. Вадик тогда рыскал по столице как угорелый в поисках пропитания. Он считал себя обязанным. Он мужчина, он старший, ему и кормить семью, полагал мой муж, и в пору, когда его знания и опыт ничего не стоили, никаким трудом не гнушался. А потом его упорство и труд (как у лягушки, которая сбила молоко в масло) дали свои плоды. Его профессиональные знания, умения и опыт оказались востребованы и с каждым годом стали давать все больший доход. Правда, мне, конечно, было нелегко, потому что пришлось его отпускать. Сначала – на три года в Африку. Потом дважды, с перерывом на год, – на Ближний Восток. Затем во Францию... Трудно мне было без него. Зато мы с Антоном ни в чем не знали себе отказа. Мы, все трое, не то что как сыр в масле стали кататься, но нужду пережили и даже кое-

что начали себе позволять. Я благие перемены в нашей жизни расшифровывала для себя так: благодаря тому что мы оставались вместе в невзгодах, Бог дал нам понежиться в радости. Какой был праздник, когда Вадик возвращался из своих командировок и надолго оставался с нами!

Я опять сбилась на Вадима, простите меня, а ведь начинала и хотела – о яхтах.

В мореплаваниях с супругом я многому научилась. Всему, что он умел сам. И теперь готова была применить свои знания на практике.

* * *

Boat Marina VII

Crew-list

Mr. Dominin Ivan, captain

Mrs. Ivanova Inna, co-captain

Mr. Voskoboinikov Petr sailor

Mr. Voskoboinikov Artem sailor¹

* * *

*Бортовой журнал. День первый. ***июля 2*** года. 07.21 СЕТ.*

Вышли из порта К. (Испания, Каталония).

Ясно. Волнение 2–3 балла. Курс – 105.

* * *

Я всегда была мальчишницей. Мне лучше удавалось лазить по заборам, чем баюкать кукол. Я на равных с пацанами носилась в казаки-разбойники. В четырнадцать пошла не на курсы кройки и шитья, а в автошколу. И доездила до кандидата в мастера спорта! Всерьез занималась карате...

Потом врачи объясняли мои пристрастия избытком мужского гормона тестостерона, из-за чего мне и пришлось помучиться, прежде чем я родила Антона. Как бы то ни было, в мужской компании я всегда чувствовала себя комфортней, чем в дамской: роль «своего парня» мне отлично удавалась. Джинсы или, на худой конец, шорты я ношу с гораздо большим кайфом, чем юбки. Лишь Вадик своими трогательными ухаживаниями, трепетным отношением и безграничной любовью сумел разбудить во мне женщину. Ах, Вадик, Вадик... Сколько еще я буду вспоминать тебя каждую минуту?

Казалось бы, я сделала то, что хотела: вырвалась из привычной обстановки. Вокруг нас, четверых, – ярчайшее средиземноморское солнце, бирюзовое небо, лазурное море. Мы благополучно вышли в нейтральные воды. Яхта идет на автопилоте. Вокруг меня трое сильных мужчин, трое друзей.

Я в купальнике на палубе белоснежной яхты. Я хороша собой, худа и подтянута. А все равно – точит червячок неудовлетворенности, сожаления по прошлому и опаски перед будущим. Воистину – человек никогда не бывает полностью, на все сто процентов счастлив. И даже когда ему кажется: в тот миг, в прошлом, я черпал бескрайнюю радость полной ложкой, все равно на самом деле что-то в ту секунду отравляло его счастье (а потом благополучно забы-

¹ Корабль Марина VII. Судовая роль: г-н Домнин Иван, капитан; г-жа Иванова Инна, помощник капитана; г-н Воскобойников Петр, матрос; г-н Воскобойников Артем, матрос.

лось). Например, даже когда Вадик впервые объяснялся мне в любви, я, помимо безграничного упоения, испытывала беспокойство по поводу своего не идеального маникюра...

Вот и сейчас, раскинувшись на прогретой солнцем палубе и временами лениво обзревая горизонт – нет ли судна на встречных курсах, – я все-таки напрягалась по поводу нашего вчерашнего спора с капитаном и командой.

...Всех троих мужиков в путешествие пригласила я. Они согласились с восторгом. Еще бы! Пройти от берегов Испании через все Средиземноморье, а потом по Черному морю до Сочи и при этом ни за что не платить – ни за аренду яхты, ни за воду с электричеством, ни за продукты! Да еще и получить изрядную сумму в европейских дензнаках за перегон борта! Да какого борта! Настоящая пацанская миллиондолларовая посудина. Скромное обаяние буржуазии. Такие нам даже в прокате не доступны, о покупке – и мечтать нечего. Можно сказать, я завербовала парней на настоящую синекуру².

Со всеми троими я познакомилась настолько давно, что можно говорить о съеденном совместно пуде соли, если считать не только обычную пищевую, но и ту, что оставалась на наших губах и щеках во время штормов в морях Черном, Балтийском, Эгейском, Северном, Карибском... Проще говоря, всех троих я знаю тысячи лет. Однако это не мешает нам спорить, ссориться и даже ругаться. Вот и вчера, когда мы взошли на борт, загрузили припасы, забили холодильники льдом, баки – солярой, а танки – пресной водой; когда я покормила мальчиков праздничным ужином – пастой болоньезе, или, попросту говоря, макаронами по-флотски, и мы выпили по глотку виски – тут спор и разгорелся. И, как это часто бывает в любой семье (и экипаже), сыр-бор начался из-за денег. Запевалой выступила я: в конце концов, именно я договаривалась с владельцем яхты об условиях, и мне они показались приемлемыми.

– Базовая ставка, как я уже говорила, десять тысяч на всех. Но это – если мы ошвартуемся в Сочи не позже вечера *** июля. За перевыполнение плана предусмотрены бонусы. За просрочку – соответственно, малусы. И изрядные. Сутки просрочки – долой тысячу. На каждые сутки опережения – плюс тысяча.

– Да хозяин – просто Филеас Фогг³ какой-то, – пробурчал Артем, младший и самый покладистый из братьев Воскобойниковых. А я стала развивать свою мысль, хотя и так все было понятно:

– Стало быть, чем скорей мы придем, тем больше получим. Значит, идти надо всегда, в идеале – без захода в промежуточные порты.

– Горючка. Вода. Лед для холодильников, – напомнил Иван – немногословный, как и положено капитану.

– Режим жесткой экономии, – возразила я столь же лапидарно.

– Все равно не получится! – закричал Петр, старший и чрезмерно эмоциональный брат Воскобойников. – Два, а то и три раза придется зайти!

– Меньше будешь мыться, есть и гадить, – хладнокровно заметил Артем.

Петя тут же взбесился, как будто им обоим не под восемьдесят (на двоих) было, а по десять на брата:

– Ты сам! По пять раз в день подмываешься, как шлюха портовая! Прости, Инка, за непарламентские выражения, но эта крыса сухопутная кого хошь доведет!

– Ну-ка, ша! – ни на децибел не повышая голос, непререкаемо пресек братскую свару капитан Иван, и Артем с Петькой послушно заткнулись. Авторитет шестидесятилетнего Ивана был высочайшим, недаром именно о нем я в первую очередь подумала как о первом кандидате

² Синекура – здесь: хорошо оплачиваемая работа, не требующая особых усилий.

³ Герой романа Жюль Верна «Вокруг света за восемьдесят дней». Совершает кругосветное путешествие, цель которого – обогнуть земной шар за указанное время и тем самым выиграть пари.

на роль мастера, когда мне подфартило с халтуркой. – Но один-то раз точно придется зайти – иначе горючки не хватит. А может, даже дважды.

– Будем вызывать прямо к нашему подходу заправщика, – стала развивать мысль капитана я. – Попутно заливать воду, а кто-то в лавку за провизией успеет смотаться. Эдак мы всего часа полтора на остановку потеряем.

– Значит, у нас будет гонка, – съязвил горячий Воскобойников-старший. – Настоящая регата. Ты нам, Инна, между прочим, ни о чем подобном не говорила. А мы в отпуске.

– Знаешь, что, Петя, – заметила я ледяным тоном, – за неторопливый отпуск денег никто никому не платит. Ясно тебе?

Петька ничего мне не ответил – только надулся, и даже Артем с капитаном Иваном бросили на меня укоризненные взгляды: мол, зря я так круто беру, да еще с самого первого дня, когда мы даже в море не вышли.

...Вот и сейчас: помнили они, мужики, о нашем вчерашнем разговоре? Наверняка, насколько я знала сильный пол, уже забыли. А я, несмотря на ласковое солнце и нежный бриз, все лежала и занималась самообразованием: напрасно, ох, напрасно я так обидела Петра – тем более что из всех троих он мне, говоря по совести, нравился больше всех – как товарищ, разумеется, только как товарищ...

* * *

*Бортовой журнал. День ***. *** июля 2*** года. 20.20 СЕТ.*

*Вышли из порта С*** (остров С***, Греция). Ясно. Волнение 1–2 балла. Курс – 90.*

Сегодня под вечер в греческом порту С*** произошло крайне неприятное событие.

То была первая швартовка за все время нашего путешествия. Земля, земля! Я чувствовала себя как Колумбов матрос. Твердый асфальт качался под моими ногами. Столько времени непрерывно в плавании я еще ни разу не проводила. Погода нам благоприятствовала: почти все время легкий бриз и ни единой тучки. Но все равно ступать по надежной земле было необыкновенно приятно. Я так и видела себя со стороны: походка непроизвольно стала разлапистой, словно у бывалого морского волка. Не хватало только трубки, татуировки и попугая на плече.

Я отправилась пополнить запасы провианта и льда. Капитан Иван остался на яхте: встречать заправщика, торговаться с ним и расплачиваться. Братья Воскобойниковы принялись драить палубу, уже изрядно просолившуюся за время нашей экспедиции, и заполнять танки пресной водой.

Потом они рассказали мне, как приключилось, что лодка осталась без присмотра. Тщательно и споро вымыв бот, Артем с Петром отпросились у кэпа в таверну. Мастер проверил качество их работы (дружба дружбой, а дисциплина в любом экипаже превыше всего), удовлетворился настоящим морским порядком и отпустил матросов. Братьев можно было понять: ребята хотели – раз нет времени танцевать сиртаки с прекрасными гречанками – хотя бы хлебнуть свежего разливного и отведать только что выловленной барабульки (я ведь и правда не баловала своих мужичков разносолами). И тут к оставшемуся на яхте в одиночестве Ивану подошел греческий мужик, похожий на бомжа (подобные типы ошиваются во всех гаванях мира, оказывая экипажам за небольшую плату множество мелких услуг). Бич – или как там его прозывали по-гречески – на ломаном английском попросил мастера пройти в контору, чтобы заплатить портовый сбор. Что ж, законопослушный Иван отправился – предусмотрительно заперев вход в салон и приподняв трап.

Потом мы посчитали, что в итоге наше плавсредство простояло у причала без присмотра всего лишь около получаса. Ровным счетом ничего страшного – ситуация обыденная. Миллионы яхтсменов оставляют свои плавучие домики на целые дни напролет, порой вовсе не запи-

рая, на всех пирсах мира, от Турку до Гаваны. И никогда я не слышала, чтобы какую-то яхту ограбили. А тут...

Я вернулась на «Марину VII» первой. Таксист подвез меня с горой продуктов прямо к трапу и помог перенести пакеты на палубу. Отсутствие команды не удивляло – дело обыденное, мало ли куда отошли ребята. Однако даже передать не могу, какой приступ разочарования, отвращения и злобы я испытала, увидев, что замок в пластиковой дверце, ведущей в салон, взломан, а внутри царит полный раскардаш! Какая-то сволочь забралась внутрь и устроила форменный дебош!

Из обоих мини-холодильников были выброшены продукты. На полу валялись лоции, несколько листов обшивки оказались вскрытыми. Налетчики потрудились также в наших каютах: все содержимое моего чемодана вывалили на койку. Я заглянула в носовое капитанское лежбище – та же картина. Похожий беспорядок царил и в обиталище братьев.

Вскоре явились мужчины, и мы принялись наводить порядок, оценивать убытки. Выяснилась поразительная вещь: кроме морального, налетчики не нанесли нам никакого вреда! Слава богу, каждый из нас покидал борт со всеми своими наличными и кредитками. А ценные вещи, остававшиеся на яхте, остались в неприкосновенности: и три фотоаппарата, и объективы, и две видеокамеры, и телефоны братьев. Да, навели хамский беспорядок – но не больше того.

Вопрос: что искали налетчики? Стало тревожно. Нехорошее предчувствие заползло в душу.

По общему молчаливому соглашению мы не стали вызывать полицию. Во-первых, и вправду супостаты не причинили никакого материального ущерба, а во-вторых, мы были не слишком высокого мнения о греческой полиции. Эллины роли стражников порядка, думается, исполняли все-таки лучше наших ментов (потому что хуже уж некуда), но все равно связываться с ними не хотелось. Кроме того, это сильно затянуло бы нашу стоянку на оказавшемся столь негостеприимном острове С***.

Мы ограничились тем, что поспрашали наших соседей по причалу. При стоянке в марине⁴ соседей обычно бывает полно, словно в старой питерской коммуналке: как минимум пять экипажей – и те, кто стоят с тобой борт о борт, и те, кто помещаются у причальной стенки с другой стороны пирса. Однако на сей раз мы, к несчастью, пришвартовались на рыбацком пирсе, причем лагом (то есть бортом), а не кормой, как обычно. В результате возможными свидетелями оказались лишь два суденышка.

На первом нас встретила чета заспанных пожилых французов. Они, судя по количеству имущества, жили на яхте уже давно, в интересующее нас время предавались мирной пенсионерской сиесте и ничегошеньки не видели, не слышали. Поляки, соседствующие с другой стороны, оказались более наблюдательными: они заприметили троих мужчин невзрачной наружности, что всходили на наш борт. Однако им и в голову не пришло, что граждане могут оказаться налетчиками, – яхтсмены решили, что они – люди из нашего экипажа. Ничего удивительного: ведь и нас, и наш корабль поляки видели в первый раз.

Целых троє налетчиков напрягли меня еще больше, и я была только рада, когда шкипер, как и положено командиру, безо всяких рассусоливаний приказал готовиться к отплытию. Мы навели порядок, принайтовали⁵ все вещи и на закате снова вышли в море.

Вскоре стемнело – стремительно, как всегда на юге, – и мы пошли по радару. Я заступила на вахту. Капитан Иван остался со мной в рубке, и я чувствовала: назревает разговор.

Наконец, шкипер спросил:

– Что это было? – имея в виду, конечно же, налет.

⁴ Мариной обычно называют порт, специально предназначенный для стоянки яхт.

⁵ Принайтовать (*мор.*) – прикрепить тросом.

- Представления не имею.
- Что они искали?
- Теряюсь в догадках.
- Ты что-нибудь везешь?
- А ты?
- Я первый спросил.
- Ваня, ты знаешь меня сто лет, я похожа на контрабандистку?
- А я?
- Кажется, тоже нет.
- Надо поговорить с братьями.
- Тебе, как капитану, удобнее у них спрашивать.
- Удобнее-то удобнее, только я все равно не могу представить, чтобы Воскобойниковы что-то творили втайне от нас.
- Стало быть, все вне подозрений? Знаешь, Иван, чужая душа потемки, а когда тебе предлагают ну очень большую сумму – бывает, ломаются даже самые крепкие люди.
- Есть и еще один вопрос.
- Какой?
- Эти трое нашли, что искали? Или налет повторится?
- А ты не находишь, что попытка ограбления могла быть случайностью? Или ошибкой?
- Инка, ты сама-то веришь в то, что сказала?
- Я вздохнула:
- Не очень.
- Вот и я тоже.
- Что ж, тогда мы не будем больше швартоваться. Нигде. Горючки должно хватить до самого Сочи, а воду и пищу поэкономим. Хотя... Если кто-то из нас везет что-то действительно ценное...
- Да, настоящих пиратов то, что мы на ходу, не остановит.
- Скоро подойдем к Босфору, а Черное море – оно ведь наше внутреннее, там будет легче.
- Мастер хмыкнул:
- Если пираты – не из русских. Или – хохлов. Или – грузин. Или – кто там еще на берегах Понта Эвксинского проживает? Румыны, цыгане?
- Цыгане-пираты – что-то новенькое, – засмеялась я.
- Мы оба изо всех пытались обратить наш невеселый диалог в шутку или хотя бы в полушутку, однако у нас не очень-то получалось. На душе скребли кошки.
- Через пару часов капитан снова поднялся ко мне с двумя чашками кофе.
- Не спится, Ванечка? – спросила я ласково.
- Я опросил братьев, – буркнул кэп. – Они ушли в глухую несознанку.
- Еще бы! Ты ж тоже не признался.
- Подозреваешь всех?
- Ага, – принужденно рассмеялась я. – И себя саму – тоже. Но знаешь, что я подумала?
- А вдруг о том, что мы везем, знает лишь заказчик? И нас используют втемную?
- Мастер подхватил:
- Как в том старом фильме с Луи де Фюнесом и Бурвилем? Как он назывался?
- Тот, где человеку дали перегнать машину с бамперами из золота? И с алмазом в клаксоне?
- Ну да.
- Кино называлось «Разиня».
- Неужели мы с тобой похожи на разинь? И что теперь делать? Разбирать яхту по винтику в поисках золота-бриллиантов?

* * *

*Бортовой журнал. День похода ***. *** июля 2*** года. 23.10. Пасмурно. Волнение 1–2 балла. Курс – 010. На траверзе островов *** и *** (Греция).*

Продолжительность и последовательность вахт мы с ребятами устанавливали по собственному разумению, кому как удобнее. Решили, что каждый из нас будет дежурить по шесть часов, но зато раз в сутки – и я, известная сова, выпросила себе время с десяти вечера до четырех утра.

Вот и ночь, последовавшую за налетом в порту и нашим стремительным бегством с острова С***, я снова проводила в рубке. Обычно после полуночи я бодрa и весела – но не в тот раз. То ли сказалось долгое плавание, то ли напряжение, в котором я пребывала, – особенно усилившееся после попытки ограбления; а может, виной всему была безлунная, темная, душная ночь, но в сон меня клонило невероятно. Я клевала носом, слушала музыку и подпевала «Депеш Мод». Однако мало что помогало, и я уж думала схитрить и поднять капитана Ивана, заступавшего на собачью вахту⁶, на часик пораньше, в три – я все ж таки женщина, должны мне быть поблажки! – но вдруг снизу, из кокпита⁷, раздался негромкий, но ощутимый хлопок. Корпус яхты слегка встряхнуло. Я инстинктивно бросилась вниз. Уже на подлете мне в нос ударил едкий запах испаряющейся химии – так обычно горит пластмасса или проводка. Скатившись с трапа, я увидела ужасную картину: на штурманском месте вместо радио – груда тлеющих обломков. И дым, дым...

Из капитанской каюты вылетел заспанный Иван в одних трусах – жилистый, покрытый седым волосом. Оба брата по-прежнему дрыхли – а может, делали вид. Несмотря на стрессовую ситуацию (или благодаря ей), мое сознание работало необыкновенно ясно – подмечая, запоминая, осознавая множество мелких деталей. На автомате я схватила огнетушитель. Не зря зануда кэп в первый день похода отработал с нами команды «Человек за бортом!» и «Пожар!» – после той тренировки я могла найти противопожарные средства с закрытыми глазами. Я нажала рычаг, и струя пены ударила в тлеющие обломки. Мастер бросился открывать *форточки* – так, с пижонством старых морских волков, мы называли иллюминаторы. Запах горелого пластика и впрямь казался невыносимым – я некстати вспомнила распространяемый «Гринписом» факт, что даже одна молекула фенола в воздухе способна вызвать раковое заболевание.

Свежий ветерок засквозил из иллюминаторов, и облако химического дыма стало быстро рассеиваться. Тут, наконец, пробудились братья, выползли, позевывая, из своей кормовой каюты.

Я оставила их и кэпа разбираться с вдруг взорвавшейся ракетой – право, первый случай в моей походной практике, да и не слыхивала я никогда, чтобы нечто подобное на яхтах происходило. Хотя волнение на море практически отсутствовало, земля и встречные суда в момент, когда я кинулась вниз, на экране радара не отсвечивали, мне лучше было вернуться: на автопилот надейся, а сам не плошай.

Но, выскочив на палубу, я испытала настоящий шок!

По правому борту, на расстоянии не более четверти кабельтова, шел, взрывая пену, скоростной катер черного цвета, четко выделявшийся на фоне серого моря и серого неба. Две человеческие фигуры на палубе судна были вооружены. Я оглянулась – и слева по борту обнаружила, словно зеркальное отражение, точно такой же катер, только вооруженных людей на нем оказалось трое.

⁶ Собачья вахта – та, что начинается с четырех часов утра.

⁷ Кокпит – открытое помещение на небольшом судне.

Я только и успела, что крикнуть нашему экипажу: «Всем наверх! Попытка захвата судна!» – как меня ослепил ударивший в глаза прожектор с одного из судов, и кто-то прокричал в мегафон на ломаном английском:

– Заглушить моторы! Лечь в дрейф! При неповиновении открываем огонь на поражение!

На палубу выскочил испуганный капитан Иван, а я все-таки дернулась к лавке, открыла крышку, вытащила ракетницу и на глазах изумленного кэпа, который не успел мне помешать, сумела зарядить ее и выстрелить в сторону одного из катеров. Та зашипела в море – перелет. С трапа на палубу выскочили из кубрика, шурясь, братья Воскобойниковы.

И в этот момент с катера, который я столь бессмысленно и бездарно пыталась контратаковать, ударила автоматная очередь. Пули просвистели над головами, мы, все четверо, инстинктивно пригнулись. С другого судна тоже загремел автомат. Пули, похоже, прошли совсем рядом, и я, вместе со всем экипажем «Марины VII», бросилась ничком на палубу. Однако все-таки успела перезарядить ракетницу и еще раз пальнуть – на этот раз вертикально вверх красным⁸.

Не растерялся и Артем Воскобойников. Он выскочил на палубу со спутниковым телефоном и, лежа рядом со мной, пытался с кем-то соединиться – но тщетно. Артем в досаде пробормотал: «Нет сигнала!.. У них глушилка, заразы!..»

А через минуту через леера⁹ перемахнули люди в черном, наставив на нас автоматы.

* * *

Бортовой журнал недоступен. Руки связаны за спиной. Я заточена в своей каюте. Что ж, стану делать заметки в уме.

День плавания, похоже, *** – следующий. Значит, сегодня – *** июля. Время, судя по солнцу, пробивающемуся сквозь зашторенный иллюминатор, около десяти утра. Курс, если ориентироваться на то же светило, от зюйд-зюйд-оста до зюйд-зюйд-веста, то есть от ста пятидесяти до двухсот двадцати градусов – практически обратный тому, каким мы шли. Ясно. Волнение, похоже, усилилось до трех-четырёх баллов.

Я лежала ничком на койке, стараясь вытянуться параллельно ДП (диаметральной плоскости) – так меньше ощущалась качка, которая в закрытых помещениях переносится гораздо хуже, чем на вольном воздухе. Но сейчас мне думалось не о морской болезни: я все пыталась проанализировать, что же произошло и как выпутаться из плачевной ситуации, однако получалось плохо. В мозгу пронеслись лишь отрывочные глупые мысли: «Пираты?! Откуда они здесь? Такого не бывает! Мы не у побережья Сомали, а в Эгейском море!» Я прислушивалась к доносившимся сквозь переборку гортанным голосам захватчиков – говорили они по-арабски, однако, насколько я могла судить, с акцентом. Какой именно акцент, я не сумела разобрать, но мне отчего-то казалось, что французский.

Но мысли текли вяло – сказывалась бессонная ночь, да и качка убаюкивала меня, словно младенца в люльке. Я то и дело соскальзывала в забытие, сопротивлялась ему, улетала в беспамятство, потом на секунду пробуждалась – и, наконец, задремала настолько, что сумела увидеть сон: долгий, тягостный и очень реалистичный. Все так, как случилось на самом деле: сперва – звонок в дверь, и незнакомый человек в строгом костюме говорит: «Мужайтесь, Инна Ивановна, у меня для вас печальное известие. Ваш супруг, Вадим Петрович, скончался. Он погиб в автомобильной катастрофе, во Франции», – а дальше, как и тогда, лишь отдельные слова сквозь гул в ушах: «Авария... Повреждения, несовместимые... Врачи боролись до конца...»

⁸ Красная ракета (или же файер) – международный сигнал бедствия.

⁹ Леер – туго натянутый трос.

Затем сон перенес меня на Богородское кладбище, и я опять увидела день Вадиковых похорон, в точности как в реальности: мелкий дождичек, черные зонты, черные костюмы, заплаканные лица людей. В толпе я различала искаженные лица свекрови и мамы – они поддерживали друг друга... Насупленные, растерянные друзья, множество незнакомых лиц, теперь особенно видно, как его все любили. Беззвучно рыдает капитан Иван. Изю всех сил сдерживаются братья Воскобойниковы...

И опять смена декораций. Я снова испытываю шок – словно все еще не знаю, что должны сказать люди, которые пригласили меня в неприметное здание безо всякой вывески. «Это награды вашего супруга, покойного Вадима Петровича... Этим орденом он награжден посмертно... Да, боевого Красного Знамени. Нет, их вы забрать не можете, так как награды боевые, а деятельность вашего супруга по-прежнему под грифом «совершенно секретно»...

Так я и переживала во сне самые сильные потрясения четырехлетней давности – словно подсознание готовило меня к скорой встрече с любимым мужем – очевидно, на небесах... «Да будет ли оно?!» – воскликнула я во сне – и проснулась, и поняла, что ответа на этот вопрос никто не знает, но, скорей всего, он однозначный: «Нет!» Нет, мы с ним больше никогда не встретимся, ни в этой жизни, ни в загробной. И значит, я должна бороться, цепляться за жизнь и свое дело! Как в последние свои минуты, не сомневаюсь, сражался мой Вадим...

...Следующие сутки я провела отрезанная от всего мира. Трижды ко мне в каюту приходил конвоир: приносил пищу, воду и пустое ведро. Он был с автоматом и в маске, так что лица не различишь, только глаза, спокойные, темно-оливковые. Автомат – американского производства. Тюремщик не выходил: развязывал мне руки и смотрел, как я ем. Слава богу, отворачивался на минуту, подав мне ведро. «Мерзавец», – шептала я про себя и молилась. Однажды до меня донесся громкий, возмущенный голос капитана Ивана, и я порадовалась, что он жив. Братьев я не слыхала, но почему-то была уверена, что с ними тоже все хорошо – насколько о подобном можно говорить в нашем положении.

А еще я мучительно пыталась придумать план спасения. Но то, что приходило в голову, было, по зрелом размышлении, совсем невыполнимым, а простые способы выручить себя и друзей никак не придумывались.

И еще я размышляла – и недоумевала, – отчего *они* нас попросту не взорвали? Зачем этот захват? Я спрашивала себя и о том, почему они нас всех не убили? Ответ на оба вопроса мог быть лишь одним: противники очень дорожат тем, что они захватили. И *вещью*. И всеми нами (или одним из нас).

* * *

Вместо бортового журнала. *** день похода, четвертый день после захвата. Значит, *** июля. Ночь. По ощущениям, около четырех утра. Яхта по-прежнему во власти пиратов. Курс, вероятнее всего, около двухсот семидесяти, то есть строго на восток. Мы возвращаемся?

Все эти дни я провела в одном и том же положении – со связанными руками на своей койке. Ничего не менялось: я ни с кем не говорила, не слышала никого из наших, не видела ни единого человека, кроме моего тюремщика. Захватчики, как и раньше, разговаривали между собой по-арабски, однако я совершенно уверилась, что практически для всех из них это язык не родной. Зачем же тогда они используют его? Чтобы замаскировать свою истинную национальность? Замаскировать – перед кем и для чего? Из-за нас? Значит, они все-таки собираются оставить нас в живых? Может быть, получить выкуп? Нет, скорее *работать* с нами. Впрочем, пока остается только гадать...

На второй день изменилось лишь то, что мой тюремщик начал заставлять меня разминать руки и только потом снова связывал их жесткой пластиковой лентой.

И вот, на четвертую ночь я вдруг проснулась: в мой иллюминатор ударил сверкающий ослепительно белым луч прожектора. Потом он убежал, оставив меня в темноте, нахлынул снова. Вскоре я услышала наверху возбужденные голоса – на этот раз говорили по-французски. Затем ночную тишину прорезала очередь – очевидно, крупнокалиберного пулемета, потом где-то неподалеку взревел мотор скоростного катера, послышался мерный шум приближающегося большого судна. Потом – чья-то беготня по палубе, быстрый топот по трапу, треск ломаемой двери в мою каюту, яркий свет, бьющий прямо в глаза, и удивленный выкрик, причем на чисто русском языке:

– Гля, баба!

...Дальнейшие события достаточно хорошо освещены в сотнях средств массовой информации, отечественных и зарубежных. Подробно описано, что пираты скрылись в неизвестном направлении и задержать их не удалось. Сообщалось, что российские десантники доставили нас троих – меня и братьев Воскобойниковых – на десантный корабль «Стремительный». Капитан Иван Домнин остался на яхте «Марина VII» и с помощью нового экипажа из двух человек, перешедших с военного российского корабля, доставил-таки наше плавсредство в пункт назначения: порт Сочи. Кое-кто также, с некоторым удивлением, отметил, что прибытие яхты в Россию прошло совершенно незамеченным и никто из пишущей или снимающей братии ее так и не увидел.

Словом, внешняя канва дальнейших событий вокруг нашего многострадального судна известна, в буквальном смысле, всем и каждому. Посему я не стану на них останавливаться, замечу лишь, что уже на третий день после того, как мы перебрались на «Стремительный», я попала в объятия моего любимого сына Антошки в аэропорту Шереметьево. Меня даже встречала пара фотокорреспондентов и несколько телекамер – однако новости о захвате и освобождении нашей яхты уже перестали быть самыми горячими и сместились с первых полос куда-то в глубь народного интереса.

Впрочем, многие пытливые умы интересовала не внешняя последовательность событий, а их глубинная взаимосвязь. Десятки, сотни, даже тысячи специалистов и комментаторов высказывали миллионы версий, пытаюсь ответить на самые животрепещущие вопросы:

Кто захватил нашу яхту?

Почему они это сделали?

Какой груз она перевозила?

Отчего российские власти, зачастую очень неповоротливые, когда дело касается защиты прав своих граждан, на сей раз подняли вокруг крохотной яхты такой шум и столь быстро нас освободили?

Что только не говорилось! Каких только версий не высказывалось!

Мы везли наркотики. Нет, оружие. Нет, секретную информацию о НАТО. Нет, сокровища. Нет, личное, особо секретное послание французского президента нашему.

Нет, на самом деле мы переправляли палестинцам зенитные ракеты. И нас захватил израильский спецназ. Нет, мы везли новейшие вооружения израильтянам, и нас перехватили арабы. Нет, не арабы, а французы. Нет, не французы, а МИ-6...

Словом, гипотезам не было числа... Однако сколько бы я их ни слышала – порой самых невероятных, вплоть до вторжения инопланетян, – ни в одной из них никто даже не приблизился к правде.

Я тоже не могу вдаваться в подробности – и потому, что не имею права, и потому, что многого просто не знаю. Однако основную канву обозначу, потому что это история не о международном шпионаже, а обо мне и, отчасти, о Вадике.

Итак, истинная подоплека событий заключалась в следующем:

*** июня сего года, глухой ночью, во время испытаний на секретном полигоне, был угнан только что разработанный французский легкий танк «Леклерк» с совершенно оригинальным

двигателем новейшей конструкции. Разумеется, никаких сведений об этом в средства массовой информации не просочилось. Французская полиция и контрразведка в ходе его поисков сбилась с ног, однако, несмотря на экстраординарные усилия, танк так и не был найден.

Спустя две недели, *** июля, из североиспанского средиземноморского порта К*** вышла «Марина VII» – наша яхта.

Очень долго стоявшие на ушах французы и предположить не могли о наличии связи между двумя этими событиями. Я не знаю, каким образом они все-таки догадались. И только еще через *** дней, в результате тайного обыска нашей яхты в порту греческого острова С***, лягушатники, наконец, уверились в своих подозрениях: *новейший двигатель того самого танка «Леклерк» стоял на нашей яхте вместо штатного мотора!*

После этого в дело вступил французский спецназ.

Именно они захватили наше судно и пытались вернуть его назад.

К счастью, операция по переходу нашей яхты из К*** в Сочи проходила под постоянным контролем российских ВМС, и «Стремительному» удалось без боя отбить нас у французов.

Однако никто, кроме высшего руководства, разведчиков и контрразведчиков двух стран, о подоплеке событий не знал и не догадывался. Никто – ни экипаж «Стремительного», ни большинство французских спецназовцев. Ни о чем не знали и не догадывались даже братья Воскобойниковы и капитан Иван: в самом деле, не предаст тот человек, который сам ничего не знает. А *знали*, в чем дело, лишь очень немногие, особо посвященные исполнители.

Включая меня.

Вадик научил меня не только судовождению, но еще и азам разведки. Он и завербовал меня. И когда этим летом его коллеги предложили мне использовать мои знания и навыки – и яхтенные, и прочие, – я почти без колебаний согласилась. Потому что я продолжала дело своего любимого – советского, а затем российского разведчика-нелегала. И тем самым хотя бы отчасти отомстила за него.

И, знаете ли, теперь он стал реже являться ко мне во сне. И моя тоска по нему стала менее острой. Нет, я не освободилась от своего горя – но теперь, после того похода, научилась примиряться с ним, и жить дальше, и смотреть в будущее.

Екатерина Барсова

Остров сбывшихся желаний

Я посмотрела на себя в зеркало и нахмурилась. В глаза бросился длинный седой волос, который я незамедлительно взяла двумя пальцами и быстро выдернула: без него было гораздо лучше.

Год назад у меня появились первые седые волосы, и я этому ничуть не удивилась. Бесконечная трепка нервов, хроническая усталость и стрессы были постоянными спутниками моей жизни. Возглавлять крупнейшее в городе кадровое агентство и вести бизнес-семинары – труд не из легких. Но сейчас – я была в этом твердо уверена – седой волос пробился на моих волосах из-за подлянки подруги, в самый последний момент отказавшейся ехать со мной во Вьетнам. Видите ли, она помирилась со своим бойфрендом и поэтому кинула меня накануне поездки! Когда я услышала об этом, то не поверила своим ушам.

– Тат! Я ничего не перепутала и со слухом у меня все в порядке? – спросила я. – Ты не едешь со мной во Вьетнам? Я тебя правильно поняла?

На том конце провода наступила пауза. Она была долгой и могла бы еще длиться и длиться, но Тата наконец решилась:

– Да. Ты все поняла правильно. Роман позвонил мне, и мы...

Дальше я слушать не стала – просто повесила трубку. Пусть разбирается со своим Романом сама, а меня оставит в покое.

Я выдернула телефон из розетки и выключила сотовый. Слушать ее объяснения было выше моих сил. Главное – результат, а он был плачевным. У меня было два выхода, и оба мне не нравились: либо отказаться от поездки, либо ехать одной.

Я взяла с тумбочки сигареты и закурила. На своих бизнес-семинарах я всегда учила проявлять «больше креатива, искать нестандартные решения и находить выход из любой ситуации». Похоже, я угодила в собственную ловушку, потому что никакого выхода из своего положения не видела.

Вздых застрял посередине груди, и я резко выдохнула дым. Ну просто хоть плачь! Я редко позволяла себе такую роскошь: не тот характер. Но слишком сильно было искушение пожалеть себя и по-бабьи расплакаться. Лучшая подружка подкладывает такую свинью, а я должна теперь угробить долгожданный отпуск, в котором не была три года?

Я вспомнила, как мы выбирали этот тур: внимательно рассматривали рекламные буклеты, обменивались многозначительными замечаниями и предвкушали тепленькую водичку, мягкий песочек, много-много солнца, шоколадный загар и крепких мускулистых мужчин, с которыми мы обязательно познакомимся. В конце концов мы сошлись на не очень дорогом Вьетнаме: я-то могла позволить себе многое, но на зарплату моей подруги – школьной учительницы не очень разбежишься. А еще у нее на руках мать-пенсионерка...

И вот теперь я стою и рассматриваю в зеркале свои медно-рыжие волосы – не появилась ли еще седина. Тут я рассердилась на себя: и чего разнюнилась! Поеду одна, и все! Не отменять же отпуск, которого я так ждала.

Когда пришло решение, наступило облегчение. Мне не надо было больше мучиться и думать, как поступить.

Я слегка пнула чемодан, который был уже наполовину собран, и пошла на кухню пить чай.

В самолете я большей частью дремала. Перелет длился около девяти часов, и эта болтанка в воздухе меня порядком утомила. Я честно пыталась провалиться в сон и забыться хотя бы на время, но как-то не получалось. Только мне казалось, что я вот-вот усну, посторонние звуки отвлекали меня, и долгожданного сна как не бывало. В последний раз, когда я уже была

готова ринуться в объятия Морфея, сосед сзади чем-то хрустнул, и я резко повернулась к нему. Немолодой мужчина интеллигентной внешности виновато улыбнулся:

– Простите. Я вас, наверное, разбудил?

– Еще нет, – буркнула я, но больше не пыталась уснуть, просто смотрела в окно или читала книгу, взятую в дорогу для развлечения.

Мы прилетели в Хошимин, бывший Сайгон, рано утром и пересели на автобус до небольшого города Ньячанг на побережье Южно-Китайского моря. Я смотрела в окно, но мыслями была далеко. Я все думала о Тате, о том, что теперь у нее все хорошо. А вот у меня...

Моя личная жизнь оставляла желать лучшего. Никогда мне не удавалось завести с мужчиной более-менее длительные отношения. Мой взрывной характер, стремление всех ставить на место, нежелание мириться с недостатками приводили к тому, что около меня никто долго не задерживался. Последний бойфренд, менеджер крутой компьютерной фирмы, все время порывался уйти от жены, но в самый последний момент давал задний ход, и эта его нерешительность меня просто бесила. В очередной раз, когда мы бурно выясняли отношения, он сказал, качая головой:

– Ну, Капа! С тобой только сам черт уживется!

– Проваливай! И чтобы через пять минут духу твоего здесь не было!

– Не будет, – пообещал он и ушел с большой дорожной сумкой в руках.

Честно говоря, я не верила, что он вот так просто уйдет. Я думала, что мы еще долго будем ссориться и мириться, мириться и ссориться, как это уже бывало неоднократно за те три месяца, что мы прожили вместе.

Но Дмитрий ушел и ни разу больше не позвонил, как будто вычеркнул меня из своей жизни. Окончательно и бесповоротно.

А я-то всерьез рассчитывала на него... Думала, что, возможно, наконец-то смогу стать замужней дамой, обзавестись семьей... Но не получилось. Как всегда.

Тогда-то я и подумала о Тате – что мы могли бы куда-нибудь поехать и развеяться. Подруга с радостью ухватилась за эту возможность, но в последний момент помирилась со своим молодым человеком и дала отбой...

Я тряхнула волосами и задремала.

Наконец мы добрались до отеля. Он находился на острове, куда регулярно курсировали катера. У меня было бунгало в роскошном тропическом парке с пальмами, раскидистыми кустами, цветами, названия которых я даже не знала: большие ярко-розовые цветы гроздьями висели на хрупких ветках и, казалось, вот-вот сорвутся с нее ослепительным цветочным водопадом.

Я подумала, что за эти десять дней мне нужно просто отдохнуть и привести в порядок нервы. К черту Тату! К черту Дмитрия! Я обязана подумать о себе!

Такая внутренняя установка взбодрила меня. Я кинула чемодан на кровать и принялась развешивать вещи в шкафу.

Это заняло у меня примерно полчаса. Потом я вспомнила, что пора идти ужинать, и стала выбирать себе наряд. Остановилась на ярко-желтом платье и черных блестящих бусах, обвивавших шею в два ряда. Я распустила волосы по плечам и накрутилась. Получилась яркая красотка с рекламной обложки: медно-рыжие волосы, большие карие глаза, красиво очерченные губы. Вот только взгляд у красотки был грустным... Мне это не понравилось, и я постаралась придать лицу более веселое выражение. Достигнув нужного результата, я закрыла дверь номера, положила ключ в сумку и пошла по тропинке к административному зданию, где располагался ресторан.

Зал оказался полон. Приветливая девушка-вьетнамка провела меня до столика, где уже сидели двое мужчин. Один из них – худощавый наглый тип со шрамом на лице – окинул меня

оценивающим взглядом с головы до ног, и на его лице появилась ухмылка, которая, впрочем, быстро исчезла. Ухмылка мне не понравилась. Тип – тоже.

Вторым оказался тот самый человек, который не дал мне уснуть в самолете, по внешности – типичный профессор: в очках, с виноватым выражением лица и мягкими манерами. Он приветливо кивнул мне и тут же стал изучать стоявшие перед ним тарелки с едой, как будто надеялся найти там что-то интересное или ответ на давно мучивший его вопрос.

Я села за стол, с шумом придвинув стул.

Наступило молчание.

– М-может, познакомимся? – сказал мужчина в очках. – Я Павел Николаевич. Можно просто Павел.

– Капитолина Викторвна, – сухо кивнула я.

– Александр, – промурлыкал неприятный тип. У него был низкий чувственный голос с легкой хрипотцой, и я инстинктивно вздрогнула. От таких типов надо держаться подальше! Именно из таких самцов получаются самые коварные соблазнитель.

Я набрала в тарелку еду со шведского стола и вернулась на свое место. Мы слишком устали с дороги, чтобы болтать за ужином, и быстро разошлись по своим номерам.

За завтраком мы обменивались пустыми фразами: разговор явно не клеился, пока Павел Николаевич не спросил:

– А чем вы занимаетесь, Капитолина Виктровна?

– Руковожу кадровым агентством.

– Как интересно! – он даже подался вперед. – Вы помогаете людям найти свое настоящее призвание.

Я снисходительно улыбнулась. Для своих соседей я была просто Капитолиной Викторвной, курортницей, сидевшей с ними за одним столом и уминавшей фасоль в томатной соусе, а для московских коллег – стальной акулой, «охотницей за головами», «железной бизнес-леди», а особо ненавидящие меня товарищи называли «сучкой с яйцами». И это обо мне! Моя деловая хватка была беспощадной, чутье – безошибочным, а реакция – молниеносной. Ко мне обращались даже в самых безнадежных случаях, когда крупной компании или корпорации срочно нужен был специалист экстракласса, которого я могла перекупить у другой фирмы, или супер-профессионалу требовалось найти подходящую работу в рекордно короткие сроки. В деловых кругах знали, что Капитолина Марченко никогда не подведет и не подмочит свою репутацию.

Никакого слюнтяйства, никаких сантиментов и уж тем более таких фраз, как «помогать людям найти свое настоящее призвание», в моем лексиконе не было. Многие люди считали, что я обошлась с ними слишком жестко! А один тип так и вовсе разбушевался в моем кабинете, когда я отдала его вакансию более грамотному специалисту. Моей секретарше пришлось вызвать охрану, чтобы его вышвырнули из офиса.

– Ну да... работа, конечно, интересная, – хмыкнула я. – Вы не ошиблись.

– «Охотники за головами», – вставил наглый тип. – Так, кажется, вас называют.

– Именно так, – я оторвалась от тарелки и посмотрела на этого наглеца, сидевшего напротив меня. Теперь я могла разглядеть его лучше. Худощавое волевое лицо, шрам на щеке, твердые губы, ямочка на подбородке и холодные голубые глаза, в которых сейчас плясали озорные огоньки.

– Тогда мы коллеги.

– Даже так? – я вопросительно подняла брови.

– Я тоже охотник. Только за дичью. Мое последнее место охоты – Южная Африка...

– Поздравляю. И много вы там настреляли?

– Могу презентовать шкуру льва.

– Мерси.

– Вы – профессиональный охотник? – спросил Павел Николаевич.

– Да так. Любитель. – с усмешкой ответил Александр. – Вообще-то я профессиональный военный. Чечня, места боевых действий и военных конфликтов – моя специализация. А охота – так, для развлечения. Так что профессионал-охотник у нас один. Капитолина Викторовна.

– Я вас прошу не цепляться ко мне, – с холодным бешенством сказала я, чувствуя, как все внутри меня начинает закипать. – Я вас, кажется, не трогаю.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.